

Эпизод 133

Вы уверены?

Это первый раз, когда вы слышите от меня такие слова? Вы уверены? Добро пожаловать в Найт-Вейл.

О'кей, я начинаю заново.

Как многие из вас справедливо заметили, у нас появилась проблема расхождения временной линии в Найт-Вейле. События происходят снова и снова, и каждая итерация отличается от предыдущей. Эрл Харлан, су-шеф в ресторане «Турникет», готовил свежий салат с винегретом и древесным клеем и хотел сделать его на шпинатной основе, но затем он уже готовил свежий салат с винегретом и древесным клеем на основе из латука. Одно и то же событие дважды, но с совершенно разными исходами.

Также была трагическая история из «Ежедневного журнала Найт-Вейла» о самолёте, который разбился в международном аэропорту Найт-Вейла. Но когда мы снова посмотрели газету, там оказалась очень скучная история о самолёте, который благополучно приземлился без каких-либо необычных инцидентов. Это была одновременно потрясающая трагедия и совершенно обыденное событие, и неясно, что именно произошло на самом деле.

Мой муж Карлос, чьи длинные, идеальные волосы выглядели необычайно безупречно, не понимает, что вызывает эти расхождения временных линий. Он был занят в своей лаборатории, говоря, что работает над невероятно важным проектом, связанным с этим, и ему нужно довести его до конца. Тем временем загадочная фигура в чёрной атласной маске стояла на крыше бывшей фабрики Flakey O, наблюдая за этим хаосом. Кто эта фигура? И чего она хочет?

Скоро случится больше. Или, может быть, снова это, но с немного другой формулировкой. Посмотрим.

А теперь о пробках:

Разошлись две дороги по жёлтому лесу,
Я выбрал обе и сразу.

Путешественника разделили процессом,
Которому нет понимания.

Третий же я полз по зарослям ниже;

Сквозь деревья я видел идущего рядом –

Это я, но его ненавижу.

Если я настоящий, то в насмешку похож он,

И мы вместе заговорили.

Слова наши точь-в-точь одинаковы были.

Значит, снова повтор и вопрос у себя же:

Почему, отвечай, моя версия,

Разошлись две дороги по жёлтому лесу

И мы выбрали обе и сразу?

Если разницы, впрочем, и не было?

Это были пробки.

Расхождение временных линий в городе только усугубилось. И, похоже, это связано с загадочной фигурой в чёрной атласной маске. Куда бы она ни пошла, что-то происходит и происходит по-другому, а затем другим образом, нежели в предыдущий раз.

Когда фигура в маске посетила библиотеку и попросила экземпляр «Мужа художника» — популярного романа о художнике и путешественнике во времени, которые женятся, — Библиотекари начали стонать и стучать по клеткам, но при этом стали очень тихими. Несколько Библиотекарей сбежали, но в то же время не сбежали, а несколько прохожих были изранены потерянными Библиотекарями, но они также были в порядке и вернулись домой, говоря что-то вроде: «Вау, какой обычный день сегодня» и «Со мной никогда ничего интересного не случилось, и я никогда не получал травм».

Когда фигура остановилась у Ralphs, будничный менеджер смены Чарли Бэр случайно рассыпал хлопья в третьем проходе — конечно же, хлопья Kellogg's, так как в городе больше не разрешены другие хлопья. Но в то же время Чарли рассыпал хлопья Kellogg's в пятом ряду — в отделе чистящих средств (он не понял, как это вообще произошло, но так и произошло). И в тот же момент Ralphs был не Ralphs, а Vons.

Это действительно начинает сбивать с толку. Как мне рассказать историю, которая одновременно состоит из множества разных историй, каждая из которых противоречит другой? И кто же эта загадочная фигура в чёрной атласной маске?

Дальнейшие обновления появятся, когда станет известно больше и, возможно, одновременно неизвестно.

А теперь общественный календарь.

В понедельник — вечер пиццы в Последнем банке Найт-Вейла. Приходите на это весёлое мероприятие, где будет бесплатная пицца, диджей и бумажки, похожие на листы регистрации на софтбол, но на самом деле обязывающие вас взять хищнический кредит.

Тем временем в понедельник — караоке-вечер в Последнем банке Найт-Вейла. Присоединяйтесь к нашим сотрудникам в песне. К сожалению, мы спланировали это в последний момент, и единственным диском, который нам удалось найти, был сборник звуков природы. Так что постарайтесь подпевать таким горячим композициям, как «Шорох листьев №5», «Разнообразный шум пляжа» и «Два часа бурления ручья».

А понедельник — Вечер художественной галереи в Последнем банке Найт-Вейла. Вы занимаетесь искусством? Почему? Что же вы пытаетесь доказать? Думаете, что вы лучше нас? Приходите, попробуйте оправдаться в этот понедельник вечером в Последнем банке Найт-Вейла.

Наконец, в понедельник состоится ежегодный детский благотворительный ужин в Последнем банке Найт-Вейла, который обслуживает лично Эрл Харлан. Присоединяйтесь к этому весёлому и вкусному празднику, на котором мы собираем деньги для детей и отдаём их им без условий. Интересно, на что они их потратят.

Хм, что-то было не так с этим общественным календарём, но я не могу понять, что именно. Оглядываясь назад, всё кажется нормальным. Неделя будет довольно лёгкой, всего одно событие. В понедельник вечером в Последнем банке Найт-Вейла проходит гаражная распродажа. У них есть всякие странные вещи, которые люди кладут в сейфовые ячейки, и кажется неразумным просто оставлять их там. Приходите и сделайте предложение.

Так что это нормально. Не знаю, что это было.

Карлос связался со мной с опасением. Он сказал, что занят работой над этой проблемой, но, учитывая, что события приводят к совершенно разным исходам, как мы узнаем, какой исход верен?

«Этот день закончится, как бы он ни закончился, — сказал он. — Но как мы узнаем, что конец, который мы переживаем, настоящий? А что если разрешение этого кризиса —

всего лишь ещё одна возможность для раскола, и в то же время мы всё ещё будем бороться с ним?»

И это очень серьёзная проблема. Думаю, могу сказать только, что будет предчувствие. Мне кажется, когда это решится, мы узнаем настоящую последовательность событий. Мы просто её узнаем, понимаете? Потому что именно это действительно произошло. Карлос говорит мне, что предчувствие — это не наука, но я спросил: «А из чего состоят чувства? Из науки, верно?» Ему пришлось признать эту точку зрения.

Потом я сказал ему, что его короткие остриженные волосы выглядят идеальнее, чем обычно, и он покраснел.

Тем не менее, я буду учитывать беспокойство Карлоса, когда этот день подойдёт к концу. Мне нужно будет внимательно следить и убедиться, что происходящее — единственная версия этого события, и чтобы не было других случайных версий, растягивающихся в иные временные линии где-то ещё.

А теперь слово от наших спонсоров.

Сегодняшний спонсор... Хм. Хорошо. Они просто прислали видеокассету с оторванными этикетками. Думаю, я посмотрю и опишу то, что вижу. Это чёрно-белый кадр кухни. Мужчина делает бутерброд. Это сэндвич с фалафелем, с огурцами и помидорами. Он съедает сэндвич, улыбается в камеру и выходит из комнаты. Теперь появилась большая красная надпись: «Должен быть другой способ». Теперь мы снова на кухне, и мужчина делает сэндвич. Он выглядит озадаченным, словно помнит, что только что это сделал. В замешательстве, когда он режет помидоры, нож соскальзывает, и — о боже. О боже. Он кричит. Но теперь тот же самый текст: «Должен быть другой способ». И мужчина снова готовит сэндвич. Он всё ещё кричит. Но он понимает, что его рука цела. Он подходит к телефону, чтобы позвонить, но соскальзывается, ударяясь головой о стойку. Он выпадает из кадра. Опять текст: «Должен быть другой способ». Мужчина вернулся. Он бледен, дрожит и трогает голову. Он не может поверить, что она ещё не распорота. Он бежит к двери и выходит во двор. Камера следует за ним. Неясно, кто снимает. Происходит землетрясение, на его лужайке появляется трещина, и он исчезает в ней. Снова: «Должен быть другой способ». И он снова на кухне. Он плачет.

Как долго... Хорошо, похоже, эта запись длится как минимум три часа. Позже посмотрю остальное и кратко подытожу. Может быть, в конце мы узнаем, кто вообще спонсирует это.

Катастрофа с расходящимися временными линиями только усугубляется, и, конечно, у Найт-Вейла нет мэра, который мог бы решить эту проблему. Хотя иногда у нас всё-таки есть мэр: то это Дана Кардинал, то Памела Уинчелл, а иногда — высокая статуя из обсидиана с крыльями и тысячей лиц. Неясно, какая из этих временных линий реальна.

Шериф попытались восстановить порядок, сказав: «Слушайте, в какой бы временной линии вы ни оказались, просто сохраняйте спокойствие, лягте лицом вниз, где бы ни были, и ждите, пока вас заберёт сотрудник секретной полиции». Но проблема в том, что любой, кто следует этим указаниям, обнаруживает, что одновременно не следовал им, и поэтому проблему, похоже, невозможно решить.

Тем временем худшие последствия следуют за фигурой в чёрной атласной маске, хотя больше ничего не известно о том, кто она и какова её роль во всём этом.

И вот... О.

Слушатели... фигура в маске. Она вошла в студию. Она стоит по другую сторону стекла командной комнаты. Она тянется и снимает маску.

О боже... Это...

Подождите, мне нужно с этим разобраться. Переходим к погоде.

[Погода из нового альбома «Caged Animals» - Escape Artist]

Концовка 1

Слушатели, не могу поверить. Фигурой в маске всё это время был... Телли, парикмахер. Да, Телли, который вскоре после того, как мой Карлос приехал в город со своими красивыми и идеальными волосами, сделал ему просто ужасную стрижку. Это было оскорблением всего хорошего в этом мире. И в своём заслуженном стыде Телли сбежал в пустыню, воя на ночное небо в сожалении и делая сумасшедшие стрижки кактусам. Никто в городе не произносил его имя уже много лет. А теперь он, похоже, разрушает наши временные линии. Может ли прийти конец преступлениям, которые Телли совершает?

Телли плакал. Он крикнул через стеклянное окно моей кабинки: «Я пытаюсь всё исправить». Он затуманивал окно, и это раздражало; к тому же я едва слышал его, поэтому пригласил зайти внутрь.

«Я пытаюсь всё исправить, — сказал он более разумным тоном. — Я пытался изменить прошлое так, чтобы никогда не делать ту стрижку. Но всё шло наперекосяк. Вместо того чтобы изменить момент моей отвратительной стрижки, я разделял все возможные точки расхождения во всех временных линиях Найт-Вейла. Это не то, чего я хотел».

Этот Телли. Какой растяпа.

Тогда и появился Карлос. Я понял, что он спешил, потому что был в повседневном домашнем халате, в котором он не любит, когда его видят. В основном он надевает его в постель или когда моет посуду. Но это было почти неважно. Его волосы переживали по-настоящему удивительную трансформацию. Пока я смотрел, они постоянно радикально меняли длину и стили — от ирокеза до выбритой головы и до роскошных волос, достигающих до пояса. Его волосы не могли оставаться прежними дольше нескольких секунд.

А потом Карлос сказал... Ну, послушайте сами.

Карлос: О, Телли. Я думал, что это я. Я думал, что это моя вина. В лаборатории мне удалось отследить источник расхождения временной линии вскоре после моего приезда в город, и это заставило меня бояться, что каким-то образом моё присутствие вызывает это. Мне было слишком стыдно сказать об этом даже мужу. Ведь что, если город каким-то образом отвергает меня? Но теперь я понимаю. Ты постриг меня примерно в тот момент, когда я приехал. Вот тогда всё и началось. И, Телли, можно я просто скажу? Мне очень понравилась эта стрижка.

Сесил: Но Телли не слушал. Он крикнул: «Эта стрижка разрушила мою жизнь. Я жалею об этом каждый день. Я должен это исправить». И он начал возиться с устройством, которое изобрёл, чтобы изменить прошлое. И вот тогда всё действительно изменилось. Найт-Вейл исчез, и мы втроём стояли на пустынной равнине. А потом вернулся Найт-Вейл, но всё было иначе. Город, усыпанный неонами ночью, футуристические летающие машины и горожане с опущенными глазами, спешащие обратно в свои убогие квартиры. А потом мы оказались в космосе, где-то на отдалённых полях сражений Кровавых Космических Войн, а вокруг нас происходили взрывы и тысячи погибших. А потом мы снова оказались в радиобудке, и Телли плакал и плакал. Карлос положил руку Телли на плечо. «Стоп, — сказал Карлос. — Стой». И Телли остановился.

Тогда Карлос сказал:

Карлос: Слушай, Телли. Стрижка была отличной. Мне очень понравилось. Так что, возможно, она не пришлась по душе Сесилу. Возможно, никому другому во всей вселенной. Не знаю. Мне всё равно. Потому что мне очень понравилось. И я стригся для себя. Тебе не стоит стыдиться. Никогда не стоило. Вернись к нам. Вернись к нам и начни свою жизнь заново. Ты был одним из нас всё это время.

Сесил: Так и сделал Телли. Он вернулся из пустыни и снова открыл свою парикмахерскую. Он возобновил дружбу с людьми, про которых думал, что они ненавидят его, хотя они просто давали ему пространство. С обеих сторон возникло недопонимание, и это привело к годам разрыва. Рана, которая наконец начала заживать.

Я всё ещё считаю, что эта стрижка была преступлением. Но муж говорит, что моё мнение по этому вопросу не имеет значения, так что.

Временные линии в Найт-Вейле устоялись. Всё происходит только один раз и только одним образом. Похоже, день спасло сверхчеловеческое прощение Карлоса и его идеальные волосы.

Или нет? Потому что, как сказал Карлос ранее, как мы можем знать, что это не просто одна из временных линий и где-то ещё есть Найт-Вейл, в котором всё произошло иначе? А что, если тот Найт-Вейл настоящий?

Есть только один способ узнать, слушатели. Я собираюсь снова запустить эту трансляцию и посмотреть, получится ли то же самое.

Это первый раз, когда вы слышите от меня такие слова? Вы уверены? Добро пожаловать в Найт-Вейл.

Концовка 2

Слушатели, не могу поверить. Фигурой в маске всё это время был... мой старый друг Эрл Харлан.

Эрл стоял там, держа в руке чёрную атласную маску, с ещё более серьёзным, чем обычно, выражением лица.

«Я не хотел, чтобы так получилось, — сказал он, и его глаза наполнились чернильной тьмой. — Это самое важное, что нужно помнить. Хорошо, Сесил?»

«Ладно, — сказал я. — Но что именно происходит?»

Он приложил телефон к стеклу и показал мне переписку со своим сыном Роджером. Это была череда эмодзи: в основном осьминог с размахивающими руками, минотавр в солнцезащитных очках, плюс горящий кинотеатр с афишей с изображением другого горящего кинотеатра. «Ты понимаешь, что это значит?» — спросил он. «Да», — сказал я. «Нет, — сказал я. — Я не совсем уверен», — добавил я.

«Роджер хочет провести этот вечер с друзьями, — объяснил Эрл. — Они хотят отправиться с завязанными глазами в пустыню с рюкзаками, полными камнями».

«Это звучит довольно опасно», — спросил я, не понимая, какое это имеет отношение к проблеме с временными линиями.

«Я знаю, правда, — сказал Эрл. — Но если я скажу нет, Роджер рассердится на меня, и его друзья подумают, что он не крутой! Я правда не хочу, чтобы Роджер злился на меня. А дружба так важна в этом возрасте. Они просто настолько резкие. Мне было девятнадцать очень долго. Я знаю, о чём говорю».

«Да, да, — сказал я. — А временные линии?»

«К тому же, — продолжил Эрл, — моя ассистентка всё время спрашивает, будем ли мы готовить крокеты или воронки-торты для детского благотворительного ужина, но я просто не знаю! Что бы мы ни выбрали, это может навсегда изменить ход ночи и нашу жизнь. В конце концов, мне пришлось заблокировать её номер. А потом мне нужно было выбрать цвета для новой формы бойскаутов: красный, как засохшая кровь, и хаки-коричневый или красный, как свежая кровь, и хаки-зелёный. Я дошёл до того, что ношу чёрную атласную маску, чтобы никто меня не узнал и не попросил принять ещё какие-то важные решения сегодня. Я просто никогда не был хорош в таких вещах».

Глаза Эрла были блестящими и тёмными, как масляные пятна. «Как раньше в Vons? — сказал он. — В моём списке покупок была одна вещь. Я провёл там шесть часов. Я вышел из Ralphs ни с чем. Ты бы удивился, Сесил, если бы узнал, как часто я ухожу из магазина ни с чем, чувствуя себя ошеломлённым, голодным и истощённым, а моя пустая многоразовая холщовая сумка развевается сбоку на горячем ветру».

Я попытался его успокоить тем, что мы все так делаем, но он, похоже, меня не услышал.

«Иногда я думаю только о том, что мог бы сделать, — сказал Эрл. — Как будто образы одного момента, который я даже толком не могу вспомнить. Это было в машине. Или это было на крыльце, где горел свет. Или это было в ярко освещённом коридоре с вечеринкой в соседней комнате. Было кое-что, чего я не сделал. Что-то, что я боялся сделать и говорил себе, что смогу сделать это позже, когда станет менее страшно. Но некоторые возможности бывают только один раз, прежде чем они становятся недостижимыми навсегда. Понимаешь, о чём я?»

Через мгновение я сказал: «Да».

Голова Эрла запрокинулась назад. Тьма лилась из его глаз лучами, пока дневной свет снаружи не окрасился ночью. «Машина, крыльцо, коридор. Хаки, кровь, крокеты. Осьминог, минотавр, кинотеатр», — повторял он, пока слова не превратились в ритмичные гортанные звуки.

Наконец телефон Эрла завибрировал. Он расслабил голову, а глаза перестали светиться, пока он рылся в кармане. Это было сообщение от старого друга. Очень старого, очень хорошего друга. Они давно не разговаривали, по крайней мере не так, как раньше.

Там было написано: «Эй. Я знаю, что прошло много времени. Но я просто хотел, чтобы ты знал: мне кажется, это круто, что ты не можешь делать выбор. Возможно, это делает тебя частью вселенной, а не актёром в ней. Может, мы все могли бы быть чуть более такими, знаешь?»

Эрл внезапно почувствовал облегчение, словно многие годы тяжести прошли. Тьма в его глазах отступила, и небо снова стало светлее. «Да, — сказал он, — почему я вообще должен делать выбор? Почему кто-то из нас должен?»

Возможно, друг имел в виду не совсем это, но сейчас он уже ничего не мог сделать, чтобы вернуть свои слова назад. «Больше нет выбора», — сказал Эрл, крепко зажмурив глаза. Затем он пошёл по коридору и вышел за дверь в сияние слишком яркого рассветного солнца.

С этого момента граждане сходятся во мнении, что в Найт-Вейле осталась одна реальность, и это правильная. Важное мнение: я не уверен на 100%. Я думал, что у меня будет предчувствие, но я просто чувствую... не знаю. Тревогу. Мне кажется, что я должен смотреть на всё, что произошло сегодня, и продолжать смотреть, пока всё не станет понятно. Понимаете?

Говоря о предчувствиях, я получил известие, что Ralphs больше не продаёт хлопья Kellogg's, и на самом деле в каждом отделе теперь только один товар: гигантские кальмары бренда Castellano, набитые собственными внутренностями, которые, насколько я понимаю, являются импортными испанскими тапасами*. Отличные закуски для званых ужинов или просто для полноценных блюд, перекусов и всего остального. Ralphs: для всех ваших покупок, включая гигантских кальмаров бренда Castellano с их собственными внутренностями.

**Испанские мини-бутерброды, закуска.*

Мне нужно убедиться, что всё действительно было так, как произошло. Мне нужно начать сначала.

Это первый раз, когда вы слышите от меня такие слова? Вы уверены? Добро пожаловать в Найт-Вейл.

Концовка 3

Слушатели, не могу поверить. Фигурой в маске всё это время была... Редактор «Ежедневного журнала» Лианн Харт. Лианн разбила стекло в кабине управления, прыгнула вперёд и приставила хорошо отполированный топор к моему лицу, прижав заострённое лезвие к моей щеке.

Топоры — распространённый инструмент среди профессионалов печатных новостей для угроз интернет-изданиям, поэтому я не понимал, почему я стал её целью.

Я сказал: «Лианн, я радиоведущий, а не новостной блогер. Я не твой враг».

«О, я знаю, Сесил, — сказала Лианн. — Я не угрожаю тебе. Я просто показываю тебе новый топор, который купила. Это палладий. Стоил мне целое состояние. Почувствуй его. Так приятно. Металл остаётся прохладным и мягким, но он прорезает кости, словно корректор — наречия».

А потом мы оба рассмеялись. «Ха-ха, — сказал я. — Это была невероятно смешная шутка, которую могли понять только мы, настоящие журналисты».

«Слово „невероятно“ было лишним, Сесил», — прорычала Лианн, прижимая клинок к моему лицу сильнее.

«Эм, это действительно хороший топор, Лианн, — сказал я. — Но как ты себе его позволила? Сейчас в медиа нет денег, если только ты не ведёшь тру-крайм подкаст».

Лианн улыбнулась.

«Подожди. Ты начала тру-крайм подкаст? — спросил я. — Потому что это была бы отличная идея — убить кучу людей, а потом сделать подкаст об этом».

«У меня есть кое-что ещё лучше, Сесил, — сказала она. — У меня есть время».

Лианн сказала, что путешествовала во времени снова и снова каждый день, а затем продавала газеты в сотнях одновременных временных линий. Она увеличила количество дней, когда могла продавать газеты, но не увеличила количество времени и труда. Она заработала миллионы.

Она старалась не вмешиваться в истории, не желая менять сюжет нашего будущего, но как бы объективна она ни оставалась, повторяющийся день всегда был другим. Поэтому она перестала пытаться оставаться равнодушной и начала реально влиять на каждое событие.

В прошлый вторник на шоссе 800 произошла автомобильная погоня. В одной из версий Тайная полиция Шерифа остановила подозреваемого без насилия, а затем посадила его в тюрьму с применением тонны насилия. В другой версии подозреваемый сбежал, скрывшись в кустарнике.

А в ещё одной Лианн Харт помешала подозреваемому вообще угнать машину, тем самым спасая полицию от того, чтобы подвергнуть опасности себя и других, а владельца машины — от ужасного дня, за которым последовали месяцы споров со страховой компанией.

Но Лианн обнаружила, что эта третья версия не продавалась в газетах, потому что в ней не было драмы. Самым прибыльным оказался постоянный страх читателей узнать, как будет раскрыто это ужасное преступление.

Недели беглеца на свободе привели к неделям отличных продаж, когда город наполнялся тревогой, боролся за усиление контроля полиции и строил теории о том, кто же был преступником.

«О да, теперь я вспомнил эту историю, — сказал я Лианн. — Мы так и не поймали этого парня, правда?»

«Да, — сказала Лианн. — Я придумала временную линию, где его захватили, но только потому, что эта история перестала продаваться. Мне нужно было что-то более захватывающее, поэтому я убедила этого психопата, который убивал бездомных животных, вместо этого отравить водоснабжение города, и мы все погибли. Это было плохо. Никто не купил ни одной газеты».

«Лианн, ты не можешь так поступать. Ты не можешь продолжать путешествовать во времени и манипулировать нашей судьбой, чтобы продавать газеты, — сказал я. — Это неэтично, даже аморально — зарабатывать деньги, разрушая жизни».

Потом она сказала, что я, должно быть, ненавижу капитализм, и назвала меня социалистом, и у меня не было ответа.

«Я всё равно отказываюсь от путешествий во времени, — сказала она. — И ещё, обещаю прекратить создавать опасные новости ради продажи газет».

Я сказал ей, что это, должно быть, было трудно — полноценное путешествие через её собственную душу, чтобы поставить сострадание к другим выше личной выгоды. Я сказал Лианн, что горжусь её решением.

Она сказала, что негативные новости всё равно особо не продаются. За все свои путешествия во времени она собрала большую выборку данных о продажах, показывающая, что устойчивые эмоциональные споры, основанные на чистом страхе, были лучшим подходом. С этого момента «Ежедневный журнал» стал публиковать исключительно редакционные статьи.

С блеском в глазах Лианн показала мне завтрашний заголовок на первой полосе: «ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ШКОЛЫ НЕ ДОЛЖНЫ ДАВАТЬ ПОРНОГРАФИЮ НАШИМ ДЕТЯМ!»

«В школе раздают порнографию?» — я ахнул.

«Я не знаю, — сказала она. — Суть в том, что они НЕ должны этого делать, независимо от того, делают они это или нет. Мы собираемся продать кучу газет. Это будет история на несколько недель».

И я согласился: продавать газеты с полуосмысленным мнением по несуществующим вопросам — хорошая идея. Это позволит сэкономить время сотрудников, потраченное на исследования и отчёты, а главное — вода не будет отравлена, не будут украдены

автомобили. Иррациональные заголовки инициируют полезные обсуждения и дружеские дебаты без какого-либо вреда.

Лиан ушла из офиса и сказала, что я могу опубликовать её историю, но только под эмбарго, пока «Ежедневный журнал» не опубликует её первым. Вот почему мне понадобилась неделя, чтобы рассказать вам это. По крайней мере, мне кажется, прошла уже неделя.

Знаете, я хочу убедиться, что всё действительно было так, как вышло. Мне нужно начать сначала.

Это первый раз, когда вы слышите от меня такие слова? Вы уверены? Добро пожаловать в Найт-Вейл.